

—

«Дорогие зрители, кто может — поддержите деньгами, кто не может — поддержите присутствием. Разбивание камней на груди, начинаем!»

Так случилось, что Ши Чжу и его спутники только заняли место, как услышали, что начинается так долго ожидаемое представление «Разбивание камней на груди».

Положив пять вэней на тарелку для сбора подаяний, Ши Чжу с сияющими глазами смотрел на человека, лежащего в центре и окружённого реквизитом.

Подросток лет шестнадцати-семнадцати был плотно накрыт толстой, десятисантиметровой прямоугольной каменной плитой. Кроме головы, всё его тело было практически скрыто под камнем. Видны были только сильные, жилистые руки и ноги. Лицо его было спокойным, словно камень совсем не давил.

Собрав подаяния по кругу, мускулистый мужчина с большим молотом, подгоняемый зрителями, вышел в центр и остановился рядом с лежащим юношей.

Он поднял молот двумя руками, словно собираясь ударить в следующее мгновение, что вызвало возгласы изумления в толпе. Сердце Ши Чжу замерло. Он увидел, как лежащий на доске юноша испуганно зажмурился, и не смог смотреть дальше. Он закрыл глаза рукой, но тут же услышал свист разочарования.

Сквозь пальцы можно было увидеть, как здоровенный мужчина высоко поднял молот, собрался с силами, а затем резко опустил его, остановившись на некотором расстоянии от каменной плиты, оставив всех в напряжении.

Это побудило некоторых зрителей, не выдержав, бросать на землю медные монеты, торопя его.

Он так хотел это увидеть, но теперь, глядя на происходящее, почувствовал, как его интерес угас. Особенно, когда он сравнивал испуг на лице юноши каждый раз, когда падал молот с довольной, широкой улыбкой владельца балагана, он почувствовал еще большее отвращение.

Он хотел уйти, но был окружён людьми в три ряда и не мог сдвинуться с места. Ему оставалось только повернуться и уткнуться лицом в грудь мужа.

«Тебе нехорошо?» — Взгляд Ди Хэна всегда был прикован к Ши Чжу. Увидев, как жена, нахмутив брови, уткнулся в него, он обеспокоенно спросил.

«Нет», — Ши Чжу приглушённо покачал головой в его объятиях.

Оглушительные крики не прекращались, а потом достигли пика в момент сильного грохота.

После окончания представления толпа начала медленно расходиться, и Ши Чжу с сопровождающими покинули это место.

Настроение Ши Чжу менялось быстро. После того как они разгадали загадки на фонарях, запустили фонарики и купили много разных закусок, его настроение снова улучшилось. Он держал в руках печёный батат и украдкой протиснулся в толпу, собравшуюся впереди.

Позади остались Ди Хэн и Ши Юнь с большими сумками, которые отчаянно пытались

пробиться сквозь плотное скопление людей.

Там, пробившись сквозь толпу, Ши Чжу нашёл хорошее место и принял позу внимательного наблюдателя.

«Бессовестная лечебница! Они залечили мою свекровь до смерти! Моя свекровь просто немного кашляла, но после того как приняла лекарство от них, у неё пошла кровь горлом, и вскоре она умерла.

О Небеса! Эти черносердечные люди! Они убили человека, но даже не признаются! Моя бедная свекровь, как несправедлива её смерть!»

Посреди толпы, на земле, сидела полная женщина средних лет с растрёпанными волосами и опухшими глазами. Она била себя по бёдрам и громко рыдала. Рядом лежала старушка с синеватым лицом — предположительно, её свекровь, которую залечили до смерти.

Старушка лежала на земле рядом с женщиной. Видимо, её ещё не убрали, и на лице и теле были засохшие следы крови.

Жалкий вид невестки и свекрови вызвал гнев толпы, которая начала осуждать «черносердечную» лечебницу.

«Сунь Чжэнмин, выходи! Я знаю, что ты внутри! Ты убил человека, так имей смелость выйти! Что толку прятаться внутри?»

«Точно! Убил человека и боится выйти! Ты что, черепаха?»

«Страшно подумать, я раньше лечился в этой лечебнице! Надо поймать этого черносердечного, иначе он убьёт ещё больше людей!»

«Правильно, нужно заявить властям! Он должен сесть в тюрьму!»

Толпа была возбуждена и возмущена, гнев распространялся, и все испытывали глубокое отвращение к лечебнице, в которой, как утверждалось, был убит человек.

«Но доктор Сунь открыл эту лечебницу столько лет назад, и его искусство очень высоко. Он вылечил множество сложных болезней. Может быть, на этот раз это недоразумение?»

«Более того, многие из вас, должно быть, получали благодеяния от доктора Суня на протяжении многих лет. У бедняков он даже не брал плату за консультацию».

«Доктор Сунь даже лечил людей бесплатно. Когда мой муж болел, он, увидев нашу бедность, не взял с нас денег. Как он может быть таким человеком? Я не верю!»

«Он убил человека, и вы всё ещё говорите о недоразумении? Вы поверите, только когда он убьёт кого-то из вашей семьи? Может быть, он раньше притворился?»

Тех, кто пытался заступиться за доктора Суня, быстро заглушили и осудили. Они спорили до покраснения, но, в конце концов, сдались под натиском толпы.

Эти немногие голоса в защиту лечебницы были утоплены в волне гнева, как ручей, впадающий в море, безмолвный и незначительный.

Некоторые из наиболее радикально настроенных людей уже подошли и пнули не слишком

прочную деревянную дверь лечебницы.

Ши Чжу нахмурился. Он увидел, что лицо старушки искажено, губы синюшные, а руки сжаты в кулаки, что напоминало симптомы отравления.

Неизвестно, действительно ли, как сказала женщина, это был некомпетентный врач, который ошибся с лекарством. Но даже некомпетентный врач, управляющий клиникой более двадцати лет, не должен совершать такую элементарную ошибку.

В конце концов, простуда — это довольно распространённое заболевание. Даже если не сам старый врач, а его ученик готовил лекарство, он мог сделать это легко.

Если его действительно оклеветали, почему никто не выходит и ничего не говорит? Если позволить ситуации развиваться, это может закончиться очень плохо.

Дверь лечебницы, которую осуждала толпа, оставалась плотно закрытой. Молчание словно подтверждало вину.

Внутри лечебницы:

«Сянсюнь, ты уверен, что не ошибся с лекарством? Это точно было лекарство от простуды?» — Обеспокоенный юноша двенадцати-тринадцати лет тревожно спрашивал своего сверстника. Его голос был полон растерянности и страха.

«Я уверен, что не ошибся. Я даже показал его доктору Хэ, и он сам поставил диагноз и выписал рецепт». Опрашиваемый мальчик был так же растерян и встревожен, но когда его спросили о правильности лекарства, его голос стал твёрдым, неизвестно, успокаивал ли он этим своего товарища или самого себя.

Он опустил взгляд на рецепт в руке, и на его лице появилось недоумение и сомнение. Неужели он действительно ошибся в диагнозе и погубил человека? Но ведь доктор Хэ тоже его проверил и сказал, что всё в порядке.

Внутри Су Сянсюня царил растерянность, безысходность и страх.

«Тогда давай выйдем и скажем людям, что нас оклеветали!»

«Нельзя, Ханьсун. Люди на улице нам сейчас не поверят. Они считают нас шарлатанами. Если мы выйдем сейчас, то нас могут покалечить обезумевшие от гнева люди. К тому же, учитель ещё не проснулся. Давай подождём, доктор Хэ наверняка услышал о случившемся и придёт нам на помощь».

Они были всего лишь учениками лечебницы. Если они выйдут и скажут, что не ошиблись с лекарством, им не поверят, а только окончательно убедятся, что это недобросовестная лечебница, ведь ученикам запрещено самостоятельно выписывать рецепты.

Су Сянсюня всегда хвалили за ум и талант. С самого начала изучения лекарственного дела он проявлял удивительные способности, и даже их учитель, доктор Сунь, не переставал им восхищаться.

Теперь он горько сожалел. В тот день, когда учителя не было, он не должен был ставить диагноз той женщине и её свекрови, как бы жалко они ни выглядели. В конце концов, это была его самоуверенность, вызванная похвалой других, которая привела к тому, что он не смог ясно

видеть.

Теперь лечебница оказалась в беде из-за него, а учитель до сих пор без сознания...

Слушая стук в дверь снаружи, оба тревожно охраняли постель старого врача, погружённые в свои мысли. Никто из них не заметил, как глазные яблоки плотно закрывшего глаза старика на кровати слегка пошевелились.

«Расступитесь, расступитесь, чиновники приехали!»

«Господин чиновник, сюда, пожалуйста. Вот эта черносердечная лечебница залечила человека до смерти».

«Да, их нужно посадить в тюрьму, чтобы они больше никому не навредили».

Два чиновника с большими саблями на поясе шли к лечебнице, следуя за каким-то мужчиной. Плотная толпа автоматически расступилась, пропуская их, и при этом не забывала жаловаться чиновникам на «злодеяния» этой лечебницы.

Средних лет женщина, которая уже тихо всхлипывала, увидев чиновников, снова заголосила:

«Господин, вы должны их арестовать, господин! Моя свекровь была здоровым человеком, а после того, как приняла лекарство от этого шарлатана, она умерла в тот же день! Моя бедная свекровь... она умерла так несправедливо...»

«Тихо!» — Окрикнул толпу более старший из двух чиновников, обернувшись.

В эту эпоху люди испытывали естественный трепет перед чиновниками, а его сабля на поясе и суровый вид сделали своё дело. После этого окрика собравшиеся испугались и перестали кричать, как раньше. Женщина тоже прекратила рыдания, лишь тихо всхлипывала с красными глазами, казалось, что она робеет и боится говорить.

Молодой чиновник, сжалившись, взглянул на невозмутимое лицо старшего чиновника, поджал губы и утешил женщину: «Не плачь. Если эта лечебница действительно залечила твою свекровь до смерти, судья обязательно добьётся справедливости для неё».

Спешно сказав несколько утешительных слов, он поспешил вернуться к старшему чиновнику.

Толпа, казалось, успокоилась, и люди стали тихонько утешать женщину.

Ши Чжу потёр уши. У его ушей сразу же стало намного тише.

«Эта сплетня далась мне дорогой ценой — моими ушами», — подумал Ши Чжу.

Он только успел потереть уши, как его руки заменила пара больших ладоней. Затем тёплое тело приблизилось, и низкий голос донёсся сзади: «Уши болят?»

Сначала Ши Чжу вздрогнул от внезапного прикосновения к ушам, но, опомнившись, расслабил тело, прислонился к мужчине и медленно ответил: «Не болят, просто устал».

«Вернёмся?»

«Нет. Бросить «поедание дыни» на полпути — потом не усну. Я просто прислонюсь к тебе, отдохну немного, и всё будет хорошо. К тому же, я думаю, эта лечебница не такая, как они

говорят. А ты как думаешь? Я хочу узнать, в чём тут дело».

«Не знаю», — Прямо ответил Ди Хэн на вопрос жены. Но почему-то его ответ вызвал лёгкий укор в виде взгляда. Растерявшийся мужчина решил меньше говорить и больше делать: он обхватил талию жены, прижал его к себе, чтобы тот мог отдохнуть. Так он был в безопасности, его никто не мог толкнуть, и жене было легче.

Ши Чжу, бросив гневный взгляд, полностью расслабился в объятиях мужа и продолжил следить за развитием событий.

В этот момент хрупкая деревянная дверь лечебницы уже еле держалась, казалось, что её можно легко толкнуть рукой.

«Сунь Чжэнмин! На тебя подана жалоба о смерти человека по врачебной ошибке. Ты должен быть арестован для расследования. Открывай!» — Один из молодых чиновников дважды постучал по двери, и та, и без того еле державшаяся, с грохотом рухнула.

«Вот...» — Чиновник, постучавший в дверь, растерянно оглянулся на старшего, стоявшего рядом.

«Ничего, заходи, посмотрим», — Сказал старший чиновник и первым вошёл внутрь.

Следом за ним внутрь потянулась и толпа, и Ши Чжу, не в силах сдержать любопытство, тоже последовал за ними.

Передняя часть помещения была отведена под консультации и выдачу лекарств. Там никого не было. Два чиновника прошли дальше, открыли деревянную дверь в зале и оказались на заднем дворе.

Во дворе сушились травы и лежали некоторые бытовые вещи — значит, кто-то здесь жил.

Оба чиновника подошли к плотно закрытой двери. Молодой чиновник окликнул: «Сунь Чжэнмин?»

Ответа не последовало.

Они переглянулись, их правые руки бесшумно сжали рукоятки сабель. Чиновник поднял ногу и сильным ударом выбил хрупкую дверь. Картина в комнате предстала перед толпой.

В комнате у кровати стояли двое подростков лет двенадцати-тринадцати. Их глаза были расширены от ужаса, когда они смотрели на толпу за дверью. Один из мальчиков, с красными глазами, слегка съёжился, прижавшись к другому, выглядевшему более собранным. Оба выглядели ошеломлёнными и не решались заговорить.

Молодой чиновник спросил: «Вы кто? Где Сунь Чжэнмин? Почему никто не отвечал, когда мы стучали?»

Шквал вопросов ошеломил двух учеников. В конце концов, более спокойный из них ответил: «Мы ученики доктора Суня. Меня зовут Су Сянсюнь, а его — Гуань Ханьсун. Мой учитель, Сунь Чжэнмин, сейчас без сознания лежит в кровати. Что касается стука... я...» — Су Сянсюнь долго мялся, не зная, как ответить на последний вопрос, и перешёл к главному: «Я знаю, господин, вы пришли арестовать того, кто лечил ту старушку. Но лечил её не мой учитель, а я. Если нужно кого-то арестовать, арестуйте меня».

«Нет! Мой старший брат не виновен! Мой старший брат не залечивал никого до смерти! Рецепт, который он выписал, был правильным! Если не верите, спросите доктора Хэ! Доктор Хэ тоже его видел!» — Не дожидаясь, пока чиновник заговорит, Гуань Ханьсун, который до этого робко прижимался к Су Сянсюню, поспешно начал защищать его, боясь, что его арестуют. Он крепко схватил Су Сянсюня за руку и, говоря, не мог сдержать слёз. Кажется, он давал выход своему испугу и страху.

Учителя принесли с горы после сбора трав, и он до сих пор без сознания. А теперь ещё и старшего брата собираются арестовать. Маленькое сердечко Гуань Ханьсуна было сильно травмировано, и то, что он продержался до этого момента, уже было чудом.

«Раз так, пойдёте с нами. Если вы не виновны, судья вернёт вам честное имя», — Молодой чиновник, видя, как один ребёнок притворяется спокойным, а другой громко рыдает, смягчился. Его тон стал более мягким.

Су Сянсюнь кивнул, взял за руку плачущего Гуань Ханьсуна и последовал за чиновниками.

«Подождите».

—

<http://bllate.org/book/12838/1131739>